

Маслова Валентина Авраимовна

УО "Витебский государственный университет имени П. М. Машерова"

e-mail: mvavit@tut.by

УДК 81'42

РУССКОЕ СЛОВО КАК ИСТОЧНИК ДУХОВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Valentina A. Maslova

Vitebsk State University named after P. M. Masherov

RUSSIAN WORD AS A SOURCE OF HUMAN SPIRITUALITY

В статье продемонстрировано, что в языке существуют глубинные религиозные смыслы, почти не поддающиеся рациональному осмыслению, но играющие огромную роль в формировании духовности как отдельного человека, так и духовного кода нации.

The article demonstrates that there are deep religious meanings in the language, which almost don't lend themselves to rational comprehension, but play a huge role in the formation of the spirituality of both an individual and the spiritual code of a nation.

Ключевые слова: фидеистическая теория языка, духовность, культура, библейская притча

Key words: fideistic theory of language, spirituality, culture, biblical parable

Лингвистика всегда интересовалась духовной сущностью языка (В. фон Гумбольдт), но первая половина XX века была посвящена имманентному изучению языка: "язык в самом себе и для себя" (Ф. де Соссюр). О языке как "духовной деятельности", "имманентном произведении духа", который составляет саму природу человека, писал и Г. Шпет [5, с. 35]. Таким образом, в лингвистике заложены традиции видения языка не просто как системы знаков или инструмента познания, но и как духовной сущности.

Цель доклада – показать, что в языке существуют глубинные смыслы, почти недоступные для рационального осмысления, но играющие огромную роль в формировании духовности как отдельного человека, так и духовного кода нации.

На рубеже тысячелетий мы начинаем понимать, что дух нации в значительной степени основывается на исповедуемой народом религии. Религиозный фактор в жизни народов является настолько важным, что без учета его особенностей невозможно представить развития и становления культуры в целом (само слово *культура* связано со словом *культ*). В последние десятилетия в языкознании всё больше внимания уделяется исследованию религиозно-конфессиональных элементов в языке: это работы В. И. Постоваловой, И. П.

Черкасовой, М. Н. Бушаковой, С. С. Воронцовой, А. А. Бувич и др. Ю. С. Степанов полагал, что единственный путь вперед для гуманитарного знания – синтез научного, философского, художественного и религиозного подходов. Все вместе дает целостное мировидение, в результате которого формируется *новая сфера знания*, ее Ю. С. Степанов называл "**новой всеобщей антропологией**" [3]. Следовательно, мир – это единое целое, и подходить к его постижению нужно через язык, религиозное и художественное мировосприятие.

Современный мир тонет не просто в фарисействе, а в непристойности массовой культуры, злобе, вражде. По словам белорусского ученого и поэта И. Чароты, "к концу второго тысячелетия от Рождества Христова оказались мы во времени без памяти и Вечности, на земле без Неба, с просвещением без Света, образованием без Образа (Божьего – ВМ), духовностью без Духа Святого..." [4, с. 6]. Выход из этой ситуации – в формировании духовного человека.

Человек, как утверждают отцы церкви, - это образ Божий. Согласно учению великого философа и богослова П. Тейяра де Шардена, человек не может существовать независимо от своей души, душа возвышает человека. Сделать душу человеческую чище, возвысить ее может вера, которая – по словам апостола Павла – есть уверенность в невидимом, непостижимом.

Как считают сторонники фидеизма, наука исследует лишь факты, т. е. вторичные проявления, но она не способна раскрыть первопричины, что подвластно лишь вере, но даже с ее помощью многое вообще непознаваемо. Например, непознаваема для человеческого разума тайна непорочного зачатия, некоторые из Блаженств (блаженны нищие духом) и т. д. Язык – это духовная реальность. Традиционно считается, что язык – важнейшее средство общения, но при этом забывается, что общение с Богом здесь должно стоять на первом месте. Коммуникативная функция, думается, в языке вторична, еще в прошлом веке Н. Хомский заметил, что язык не очень хорошо приспособлен для общения: в нем много диффузности, омонимии, многозначности, иносказательности. Если принять этот постулат, то первичной и важнейшей функцией языка должна быть сакральная функция – Богообщения. И тогда многое должно быть пересмотрено в теории языка. В общении человека с Богом и себе подобными "работают" разные функции. Как пишет протоиерей К. Копейкин, язык в общении с Богом выполняет "функцию прикосновения к тайне, к изначальным глубинам бытия, открывая человеку и необычайную высоту мира горнего, и исключительную глубину внутреннего пространства человеческой души" [1, с. 4].

Сказанное позволяет нам увидеть новый виток антропоцентрической парадигмы, приближающий ее к **геоантропокосмической** как парадигме будущего, о которой писала В. И. Постовалова [2]. Побеждает геоантропокосмизм, который зародился в России в конце XIX века и при котором человек перестает быть центром мироздания. Теперь человек начинает видеть свое место не

над природой и миром, а внутри них. Патриарх Русской православной церкви Кирилл сказал, что любое научное построение, в центре которого стоит человек, а не Бог, обречено. Следовательно, если в западноевропейской философской традиции важным является антропоцентризм, при котором главной ценностью считается человек (отсюда возникновение "гуманистической лингвистики" (Дж. Лакофф), изучающей "человека говорящего", "языковую личность", в русской традиции в центре стоит высочайшая трансцендентная ценность Бог, в скором времени она будет дополнена такой важнейшей ценностью - Космос (Вселенная). Уже открыт закон Всеединства и цельного знания, в этом русле развивалась вся русская религиозно-философская мысль дореволюционного периода. Поэтому именно русская лингвокультура готова к такому объединению Божественной теории, теории языка, теории человека и теории вселенной.

С человеческой душой говорит Господь на языке притч: "Иисус говорил народу притчами и без притчи не говорил им" (Мф. 13, 34 – 35). Господь дает нам понять, что язык притчи более действенен. Царствие небесное подобно "сокровищу, скрытому в поле, которое, найдя, человек утаил" (Мф. 13, 44). Здесь возникает картина, несводимая к поверхностному логическому объяснению, в ней несколько смысловых уровней, которые создают особый возможный мир: мирская реальность (поле) и мир иллюзий – найденные сокровища, которые есть своего рода пропуск в Царствие Небесное. Поэтому человек в радости готов отдать всё, лишь бы приобрести это поле и, в конце концов, найти дорогу к Богу для жизни вечной. Притча не дает эксплицитного наставления, а заставляет размышлять. Строится притча по следующей модели: ситуация (человек, обрабатывающий поле, находит сокровища) – вариант разрешения ситуации (прячет сокровища и покупает поле) и последствия этого – возможность заслужить Царствие Небесное. Здесь возникает нравственно-этический ребус, который позволяет увидеть за иносказанием глубинный смысл.

Все евангельские события, все деяния Господа становятся в свете притч символами спасения. Язык притч освящен Иисусом Христом, он делает человека более отзывчивым на Слово Божье. Получается, что притча – особый тип феномена сознания человека, она сопутствует человеку на всем его культурном пути, существуя параллельно с логическим, рациональным. Основная характеристика библейских притч – их глубинная мудрость, животворность и универсальность: в них даются вечные ответы на вечные вопросы. А без них возникает мертвая пустыня вместо "садов живых смыслов" (О. Николаева).

Вывод. "Язык – это лабиринт путей", по Л. Витгенштейну, и важно, чтобы главным оказался духовный путь. Духовные смыслы наиболее активны в текстах притч, Откровений, литургий и текстах других жанров религиозного дискурса. Духовные смыслы – это смыслы, хранящие глубинные знания, они есть и в художественных текстах и даже в обыденном общении.

Таким образом, как свидетельствует русский язык, русский человек – это духовное по своей сути существо, которое живёт не только *хлебом единым*, русский человек всегда *духовной жаждою томим*, до сих пор многое он совершает бескорыстно (современное волонтерство). В перспективе такого подхода к духовному человеку – построение модели религиозной языковой личности на материале религиозной коммуникации.

Список использованных источников

1. **Копейкин, К.** На каком языке говорит с нами Бог / К. Копейкин. – Санкт-Петербург, 2005. – Текст : непосредственный.
2. **Постовалова, В. И.** Время и вечность в православном мирозерцании / В. И. Постовалова. – Текст : непосредственный // Логический анализ языка: Лингвофутуризм: Взгляд языка в будущее / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – Москва : Индрик, 2011. – С. 94 – 109.
3. **Степанов, Ю. С.** Мыслящий тростник. Книга о "Воображаемой словесности" / Ю. С. Степанов. – Москва : Издательство "Эйдос", 2010. – Текст : непосредственный.
4. **Чарота, И.** Слово и Дух: антология русской духовной поэзии (X-XX вв.) / И. Чарота. – Минск : Издание Свято-Елисаветинского монастыря, 2005. – 703 с. – Текст : непосредственный.
5. **Шпет, Г.** Мысль и слово. Избранные труды / Г. Шпет. – Москва, 2005. – Текст : непосредственный.